

Марина МАРЕЕВА: Я РОДОМ *Всё, Алёна. - 2000. - 16 с. - 1 руб. - 1. 6* ИЗ 58-И СТАТЬИ

Премьера нового фильма Владимира Меньшова «Зависть богов» пройдет сегодня в киноконцертном зале «Россия»*.

У этой истории два автора — сам Меньшов и Марина Мареева. **Марина сейчас считается одним из наиболее талантливых и успешных молодых кинодраматургов.**

У нее за плечами такие картины, как «Тоталитарный роман», «Три луны, два солнца», «Принцесса на бобах», сериал «Королева Марго». В ее копилке несколько призов разных фестивалей.

А еще она пишет книги. Самую последнюю — **«Зависть богов, или Последнее танго в Москве»** — вот-вот выпускают совместно издательства «АСТ» и «Олимп».

Марьяна СИДОРЕНКО

— Марина, с чего все началось?

— Я провинциалка, сибирячка. По материнской линии в 25-м колене все из Питера. В 1937 году деда репрессировали и отправили в Сибирь. Бабушка к нему поехала как декабристка. Он погиб. А бабушка осталась там, рядом с могилой. И уже в Сибири мама встретила моего отца. Воспитывала меня бабка. Раз и навсегда переломленная 37-м годом и 58-й статьей. Я недавно прочла у Алексея Баталова фразу, где он говорит, что родом из 58-й статьи. И я тоже. Хотя намного моложе и родилась во времена, когда все уже было в прошлом. Однако все мое детство — это рассказы бабушки о ежовщине, о страшных временах. Источник всех моих тоталитарных романов — он там. И последняя история, снятая Меньшовым, это тоже тоталитарный век. И вообще это тетралогия под общим названием «Тоталитарный роман». Я придумала четыре истории о четырех разных женщинах, которые в разные времена советского века жили, любили: получились «Тоталитарный роман» Сорочкина, «Три луны, два солнца» Балаяна, «Зависть богов» Меньшова и четвертый, еще не снятый, самый любимый мой сценарий. Три истории ретро и сегодняшний день — история обрусевшего грека, который держит маленькую гостиницу в приморском городе и помогает беженцам, стекающим к нему отовсюду. История его любви. Моя самая дорогая история, которую я писала для Балаяна. Но, увы, она была куплена Тиграном Кеосаяном. Я говорю «увы» потому, что уже третий год он не находит денег на постановку.

— Почему вы собрались поступать во ВГИК?

— Все решила очень смешная вещь. Я влюбилась в Юрия Богатырева, увидев фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих». Он был юный, красивый, роскошный. Почему-то я решила, что если поступлю во ВГИК, то непременно его найду, напишу ему сценарий. И решительнейшим образом поехала поступать. До сих пор не могу понять, как поступила, потому что курс был блатной. Я бы-

ла едва ли не единственной, которую взяли из народа. Спасибо за это Евгению Габриловичу, моему учителю. Я провалила все общеобразовательные предметы, меня просто радостно не брали, место было уготовано сыну какого-то кинодеятели. Но старый уже Габрилович приехал из Матвеевского (ему тогда было за 80) и сказал: вот эту девочку возьмите непременно. Меня взяли. А история с Богатыревым мгновенно разрешилась: я тут же купила билеты во МХАТ. Помню, он играл Алексея в «Турбиных», играл плохо (это был срочный ввод), просто, по-моему, не знал текста. Когда в третьем действии он грохнулся на пол после того, как послал пулю в лоб, я решила, что не люблю его, любить не буду и писать ничего ему не буду. Больше я никогда его не видела.

— Можно предположить, что истории, которые становятся основой ваших сценариев, реально происходили в жизни?

— Никогда!

— То есть вы все придумываете?

Я классический до омерзения тип пишущего человека, который живет на своем облаке и не хочет оттуда спускаться. Я не боюсь жизни, только когда работаю

— Всегда! Никогда не смогу написать то, что было со мной или с кем-то из знакомых. Обязательно надо сочинить. Но всегда есть сильный импульс, яркая деталь, реальная история. Скажем, «Принцесса на бобах» очень смешно сочинилась. Я сидела в Останкино в баре, это был 91-й год. Я была без копейки, без работы и думала о том, чем буду завтра кормить сына. Сижку злая, последний деньги наскребла на кофе. И входит шикарный и нетрезвый знаменитый телерепортер Кирилл Набутов. Он подсел ко мне и стал жаловаться на свои неприятности. Самое интересное, что мы даже не были знакомы. Классический вариант под названием «Богатые тоже плачут». Я смотрела на него почти с классовой ненавистью и думала: мне бы твои проблемы. А он продолжал жаловаться на жизнь. Попутно рассказал про

Анна ЧЕРНИКОВА

свои голубокровные княжеские грузинские корни. Я встала и ушла. И пока ехала в метро, меня осенило — я придумала эту историю! И даже его упоминание о княжеских корнях трансформировалось в шереметевскую линию.

— А как родился замысел «Зависти богов»?

— Это воспоминание. Вдруг вспомнилось совершенно неожиданно, но очень ярко и ответственно: 1983 год, ранняя осень, я — абсолютно счастливая, только что окончившая ВГИК, в кого-то в очередной раз влюбленная. Пришла домой, включила телевизор и увидела на экране мужчину (я

женщины, которая уводит юного мужа у своей обожаемой дочери. Оправдать эту женщину невероятно трудно, по русским меркам — просто невозможно. Тем не менее она меня зацепила. Я написала ее, но Меньшову сказала: мол, давайте мы это дело оставим, потому что мне не удалось оправдать героиню. Он сказал: «Ладно, я сам ее напишу». И мы расстались на годы. Он так ничего не написал. Но когда я сделала другой сценарий, то подумала, что какие-то ростки той невозможной, немислимой страсти могут войти оттуда, из прошлого. Я показала сценарий Меньшову, но была уверена, что он откажется. А он сказал «да». Уже потом, когда мы снимали фильм, он заметил: «Помнишь, как называлась та наша история? Эта будет называться так же — «Зависть богов».

При том, что наши отношения складываются очень сложно, они мне дороги. Они у нас почти родственные. В очень большой степени благодаря Вере Алентовой. Она мне казалась поначалу холодноватой и очень закрытой дамой, а оказалось, что это очень сердечный, глубокий и нравственный человек, цельный, с очень сильным материнским началом — настоящая русская женщина.

— Вы девушка решительная и самостоятельная. Наверное, здорово водите машину?

— Абсолютно нет. Хожу без очков, но у меня минус восемь. Почему-то мне очень комфортно так. Я вижу перед собой немного расплывчатое, сдвинутое настоящее. Думаю, что это такая пища для фантазии: я не вижу и я придумываю. Что вы, какая машина? У меня же нулевая реакция. Я классический до омерзения тип пишущего человека, который не от мира сего, живет на своем облаке и не хочет оттуда спускаться. Я не боюсь жизни только тогда, когда работаю. Поэтому стараюсь работать как можно чаще.

* Рецензию на фильм читайте в завтрашнем номере